

Империя, природа, бог, смерть: мотив страха в романе А. Иванова *Тобол*

Im Beitrag wird der Roman *Tobol* (beide Teile) von A. Ivanov als kompliziertes Mosaik gelesen, in dem das Empfinden von Angst als einer der Ausgangspunkte eine zentrale Rolle spielt. Die Analyse der Faktoren, die zu diesem Empfinden führen, macht deutlich, dass Ivanovs Geschichtsphilosophie auf der Erkenntnis beruht, dass traditionelle Mythen und Vorstellungen von Sibirien abhängig vom Standpunkt sind, was auch für die Gegenüberstellung ›fremd – eigen‹ gilt.

The article deals with A. Ivanov's novel *Tobol* (both parts) as an artistic world organized according to the law of a mosaic. In this world one of the ›assemblage points‹ is the experience of a feeling of fear. An analysis of the factors leading to this experience shows that the historiosophy of A. Ivanov is based on an awareness of the relativity of traditional myths and ideas about Siberia, including the opposition ›we/ours – strangers/others‹.

А. Иванов – популярный как среди читателей, так и среди исследователей автор. В связи с его творчеством часто поднимаются вопросы жанра и стиля, литературного направления, кинематографичности, стратегий массовой культуры, идеологии и исторической правды, геопозтики и этнической идентичности. Один из особенно острых вопросов – проблема концепции истории в «уральском» и «сибирском» тексте писателя.

Очевидно, что его интерес к истории объясняется не только конъюнктурой социально-политической жизни и коммерческой выгодой, но и насущной потребностью самой читательской аудитории. Отвечая на вопрос о мотивах

обращения современной литературы к жанру исторического романа, А. Иванов отметил: причина «[...] в том, что современность ускользает от литературы» (Пульсон 2018). Стремление найти устойчивую опору в прошлом очевидно и в тех метафорах, которые использует писатель:

[...] история – это хребет, в нем кость-хрящ, кость-хрящ. Кости – это большие стили, твердые направления, а все эти смуты и самозванцы просто хрящи, чтобы хребет гнулся. (Гаврилов 2016)

Географически и метафизически А. Иванов идет от «станового хребта России» – Урала – вглубь Сибири в поисках «формулы движения» национальной истории. В этом смысле его исторические романы об освоении Большого камня и Сибири можно воспринять как метатекст. Однако у него есть и романы, посвященные недавней отечественной истории, стилистически отличающиеся от его сибирских текстов (например, *Пищевлок*, *Псоглавцы*). Несмотря на бросающуюся в глаза разницу, их объединяет, помимо прочего, общий признак – использование неоготических жанровых элементов¹ (хронотоп, тип героя, тип фантастики, поэтика страха). Элементы готики в историческом романе вполне обычны, но у А. Иванова страх является не просто спутником авантюрного повествования: он становится одним из способов осмысления национального исторического процесса.

В связи с проблемой жанра стоит отметить и еще один важный аспект: *Тобол* – большое эпическое полотно. Подобный размах создает ощущение грандиозного обобщения, появляется та авторская точка зрения «извне и с высоты птичьего полета», которая присуща и эпосу Гомера, и *Войне и миру* Л. Толстого. В романе представлены глобальные события: освоение русскими Сибири, основание новых городов и острогов, война джунгар с китайцами, захват Лхасы, войны в Тибете и на территории нынешних Казахстана и Монголии. Дана также личная история (например, часть биографии Гагарина, связанная с его губернаторством в Сибири и его интригами с Китаем за спиной царя; история семьи тобольского архитектора Семена Ульяновича Ремезова).

Масштабы исторической эпопеи, да и само бескрайнее сибирское пространство требуют активного «заселения» персонажами. Среди них есть

---

1 Сам писатель, как кажется, склонен к игровой и одновременно прагматической точке зрения на вопрос жанра: «[...] Для меня литературный жанр – вещь вторичная, функция от темы, на которую я хочу говорить.» (Пригожин 2015).

действующие лица с историческими прототипами и полностью вымышленные; персонажей можно классифицировать и по национальному признаку. Так, в статье Т.А. Сироткиной говорится об игре А. Иванова этностереотипами, оппозицией «свое-чужое», что создает множественность точек зрения, своего рода 3D-изображение рождающейся сибирской идентичности (Сироткина 2018). Однако, как кажется, проблематика и стилистика романа не исчерпываются формальным установлением равенства «своего» и «чужого». Возникает вопрос, а что такое вообще «свое» и чем оно должно отличаться от «чужого»? Так, в романе есть разные русские: те, что воплощают собой Петербург (Петр I и его соратники), и они для сибирского пространства, бесспорно, «чужие», думают о нем только с точки зрения политики и распределения ресурсов; с другой стороны, есть «тобольские русские» – губернатор Гагарин, семья Ремезова, служилые люди, солдаты (Иван Демарин), ссыльные, раскольники, православные священники (Иоанн и Филофей), и для них степень чужеродности в сибирском пространстве – вопрос непростой, решаемый индивидуально (или не решаемый вовсе). Есть разные инородцы: с одной стороны, неистовые вогулы, шаманы (Хемьюга и Нахрач), девушка-остячка Айкони – все они преданы своей земле, богам и истории, с другой стороны – остяк Пангила, крестившийся и помогающий Филофею в его миссионерской деятельности. Эту размытость границ подчеркивает сюжетный мотив двойников: у Айкони есть сестра-близнец Хомани, которая не сможет вернуться в мир остяцких лесов и болот из Тобольска. Пленные шведы также ведут себя по-разному: Филипп Юхан Табберт фон Страленберг, даже вернувшись на родину, остается связанным с Тобольском (лучшие его жизненные достижения – путешествия по Сибири и создание ее научного описания), а Юхан Густав Ренат и Бригитта Цимс оказываются пленниками азиатской Сибири, откуда они пытаются вырваться в Европу, как из чистилища. Двойственность присуща и ссыльному украинцу, сподвижнику Мазепы Григорию Новицкому, что тоже подчеркнуто мотивом двойничества Айкони и Хомани, между которыми «делится» его любовь. «Чужие» и одновременно «свои» в художественном пространстве романа китайцы, джунгары (зайсанг Онхудай, Цэрэн Дондоб и др.), татары и бухарцы (Ходжа Касым). Иными словами, оппозиция «Запад – Восток» разрушается в Тобольске.

Такое обилие действующих лиц, сложность связей в разветвленной системе персонажей заставили критиков увидеть в *Тоболе* «Ноев ковчег, а не книгу» (Нестеров 2017), обвинить автора в том, что он «без разбора вывалил всё на

голову читателя» (Казначеев 2017). Однако вряд ли стоит рассматривать хаотичность как дефект художественной структуры романа. Он сложно построен, и в «Ноевом ковчеге» А. Иванова есть своя логика. Неслучайно в *Тоболе* архитектурная тема столь важна: значительная часть сюжетного времени уделена описанию строительства Тобольского кремля, этот же мотив оптимистично звучит во втором эпилоге. Созданная автором романная структура связана не только с ориентацией на кинематографический «экшн». Здесь работает принцип, который можно определить как принцип мозаичности. Тобол представляет собой грандиозную мозаику, требующую «точки сборки», чтобы явить свою целостность. При этом могут быть хорошо заметны отдельные кусочки, и швы между ними могут быть достаточно грубыми. Мозаичность становится специфически сибирской чертой:

В Сибири иконы писали по-строгановски, будто выкладывали из смальты: празднично-пёстро, сложно, строго, мелко и дробно. [...] Черниговская же Богоматерь была не такая... (Иванов 2017: 81)

В художественном мире, созданном по закону мозаичности, вполне естественно работает каталог. Каталог в романе А. Иванова много, и они, с одной стороны, делают внутренний мир романа тяжеловесным и детальным, пластичным и материально достоверным, что напоминает об эпической традиции, с другой стороны – мир в подобных перечнях неизбежно остается дискретным, с заметными «швами».

Созданная с помощью многочисленных каталогов мозаика выражает одну из ключевых тем романа: сибирская земля не пуста и не дика, но нет традиции замечать и ценить ее историю, потому что она «варварская». Интересно, что Табберт, видя в русских варваров, чувствует невольный трепет перед древней историей Сибири. В свою очередь, для «своего» в Тобольске Ремезова эта старина живая, и его чувство истории глубоко личное; он художник, путешественник, картограф, исследователь. В своих книгах, показавшихся Страленбергу наивными и грубыми, он создает «историю в истории» (Лазареску 2017), соврешая научно-поэтическое освоение Сибири.

Что же становится «точкой сборки» в сложно построенном мире Тобола? Учитывая влияние исторического романа, можно было бы ожидать, что авторская позиция, выраженная в расстановке антагонистов и протагонистов, оценочных характеристиках, даст нужный угол зрения. Однако А. Иванов

уклоняется от такой прямолинейности, используя, помимо прочего, несобственно-прямую речь. Хотя иногда романист «проговаривается», включая в создаваемую мозаику и себя самого, из современности смотрящего на сибирскую архаику:

[...] Иртыш, оживая во тьме, широко и грозно трещал и скрежетал, будто кто-то отдирал крышку на ящике с посылкой. (Иванов 2017: 135)

На наш взгляд, искать «точку сборки» гораздо проще, обращаясь к системе сюжетных мотивов: так можно не только определить содержательные константы, но и легче вписать роман в историко-культурный контекст. Подобная попытка, например, была предпринята в статье, посвященной сюжетному мотиву соблазна в *Тоболе* (Гончаров 2019). Это не единственный магистральный мотив в романе. Осмысление истории, географического и культурного пространства, национальной и личной судьбы происходит также с помощью сюжетного мотива страха, который представлен в тексте весьма разнообразно.

Запоминающимся оказывается пролог, в котором соединяются смерть, имперская грубость эпохи Петра I, фатум и создаваемый этой атмосферой страх. Ужас происходящего откроется читателю только в финале, когда станет понятно, что губернатор Гагарин и есть «благословляющий» Петра полуразложившийся труп. Мотив страха усиливает воздействие кольцевой композиции, когда в финале будет описываться обставленная в духе жестоких забав первого русского императора казнь губернатора Сибири.

Описывая роль мотива страха в романе, следует попытаться систематизировать его проявления, что можно осуществить, обратив внимание на причины, его вызывающие. Это природа; империя, государственная власть и связанное с ней насилие; другой (столкновение с чужой культурой и связанное с этим насилие, страх потери идентичности); смерть; бог². Рассмотрим их подробнее.

Сибирская природа, традиционно ассоциирующаяся с диким, труднопроходимым пространством, необъятными просторами, испытаниями и опасностями, вполне естественно становится причиной как страха, так и иных эмоций, связанных с переживанием возвышенного. Те, кто ощущает себя

---

2 Перечень не является исчерпывающим.

в Тобольске «чужими», чувствуют непостижимость, отстраненность, жестокость местной природы. Даже Зодиак здесь иной, дикий. Природное начало в *Тоболе* больше проявляется в образах, связанных с описанием тайги, болота, степи, то есть всего, что принадлежит земле, а не небу. Красота сибирской природы вспыхивает ярко, холодно, отстраненно и недоступно – в закатах и рассветах, северном сиянии. От этого сильнее ощущаются усталость и страх, рожденные постоянной борьбой, которую люди ведут под этим небом, – на земле и с землей. Возникает вполне ожидаемый мотив плохих дорог:

Колеи разъехались сикось-накось, гнилые гати в распадках тонули в грязи, лошади скользили на крутых подъёмах и падали [...] Высокие увалы – как тумачи в драке, скалы – будто удары в зубы. (Иванов 2017: 25)

Здесь появляется мотив почти физического насилия, которое испытывает человек, осваивая «чужое» сибирское пространство. Однако эта жестокость взаимна: имена местных городов звучат так, «словно у земли их вырвали под пыткой» (Иванов 2017: 57). «Чужой» человек и земля – жертвы и насильники одновременно:

[...] тайга инородцев – это дикий зверь, отвечающий человеку страхом и бегством или злобой и нападением. [...] И мир с ней возможен лишь тогда, когда она тебя боится и уважает. (Иванов 2018: 308)

С мотивом страха связан мотив тоски: огромное пространство, в которое человек чаще всего помещен насильно, мучит своей непонятностью и бессмысленностью. Особенно это заметно в мыслях казака Новицкого: для него Сибирь «слишком большая», ее «безъязыкий простор» «заунывно-одинаковый» (Иванов 2017: 93). Тайга вызывает страх не только в силу объективных причин – в ней таится мистическая и потому жуткая жизнь, столкновение с которой также пронзительно тоскливо:

[...] И тут владыка сам различил какую-то полупрозрачную тварь [...] У неё не было ни головы, ни лап, ни тулова с хвостом, но от неё повеяло смертной тоской. (Иванов 2018: 309)

Подобный страх знаком и инородцам: Айкони, сражаясь с медведем-людоедом в тайге, тоже испытывает ужас от соприкосновения с потусторонним. Однако сама по себе тайга, как и болота, ее не пугают:

Айкони понимала, что русские боятся болот. Глупцы. Они не ведают, что болота – это огромные котлы, в которых медленно варится жизнь [...] Болота – вечно рожаящая Мать, и мужчины не выдерживают этого зрелища. (Иванов 2018: 266)

Здесь интересен взгляд на причину страха «со стороны»: в романе сильны не только этнические, но и гендерные коллизии. Айкони отчасти права – действительно, владыка Филофей, оказавшись в болотах, видит настоящую, страшную «лешачью» Сибирь, но в ее дебрях он также чувствует сильнее близость бога:

Господь спасает человека даже в бездне, а подлинная Сибирь – воистину бездна. (Иванов 2018: 267)

Кажется, что остячка и владыка видят в этих топях совершенно разное, но в основе своей их ощущения близки: речь идёт о бездне, в которой неизъяснимо и страшно рождается жизнь. Стоит вспомнить и Петербург: это тоже болото, только «ингерманландское». Вынашиваемая в нем жизнь, возможно, более жестокая и уродливая, но в целом – Сибирь и Петербург не так уж далеки друг от друга.

В связи с этим возникает и еще один, возможно, не столь ожидаемый мотив: болота – это еще и «водороты времени», хранилище памяти.

Они ничего не теряют и сохраняют в нетленности всё, что когда-то засосали. (Иванов 2018: 267)

Сибирская земля буквально полна памятью – не меньше, чем европейская Россия.

Степь кажется менее страшной и опасной, чем тайга и болото: в ней нет напряженной мистической жизни. Она более открыта, но в этой открытости и есть ее тайна. Возможно, страх, переживаемый разными персонажами

при столкновении с природными силами, связан с осознанием того, что сибирская земля – всегда не то, чем кажется.³

Еще одна причина страха в романе – государственная власть. Большинство персонажей оказались в Тобольске не по своей воле, многое в их жизнях направляется игрой политических сил, и потому особенно мощно звучит сопутствующий мотив жестокости, насилия. Возможно, это привело к тому, что некоторые критики усмотрели в романе искажение истории и даже русофобию (Казначеев 2017; Ершов 2017). Природа жестока и безразлична к человеку, но в ее недрах рождается новая жизнь. Жестокость и безразличие человека не несут в себе ничего, кроме смерти, именно поэтому власть сильного, государственная власть связаны не только с мотивом страха, но и с мотивом смерти. Можно вновь вспомнить пролог (Петр I и «благословляющий» его мертвец). Еще один яркий пример – страх митрополита Иоанна перед империей: он помнит, как весной 1709 года смотрел на трупы казненных за измену жителей Батурина, которые плыли по Десне, и их движение «завораживало, как зримое свидетельство могучих сил мироздания» (Иванов 2017: 83). В этом движении есть что-то сродни естественности природных сил, но тем страшнее осознание реальности происходящего. Вопреки мифу о сибирской свободе, в Тобольске Иоанн так же скован страхом, как и в Батурине, в губернаторе он чувствует ту же жестокую силу, «которая влекла по вешней Десне трупы убиенных жителей Батурина» (Иванов 2017: 83). Реакция Иоанна на этот застарелый, «усталый» (Иванов 2017: 159) страх стихийна: или бежать, или наброситься в гнев, что напоминает «поведение» остяцкой тайги по отношению к русским. А. Иванов повторяет метафору железной длани империи: владыка почувствовал на своей «вые руку той бесчеловечной силы, которая двигала народы и царства» (Иванов 2017: 83); спустя некоторое время снова: «Иоанн вновь ощутил на своей шее неподъёмную и неумолимую руку державы» (Иванов 2017: 159). Человек оказывается зажат в тисках между двумя безразличными к нему силами – государством и природой. И то, и другое равно у всех вызывает ужас и ставит в ситуацию выбора, поиска смысла жизни.

---

3 Такой подход к описанию пространства – картографически точный и одновременно мистически-провиденциальный – на наш взгляд, приводит к тому, что «географический» талант А. Иванова оценивается критиками диаметрально противоположно: то он «Страбон», «мы не знаем, что такое колонизация Сибири, а он знает...» (Гаврилов 2016), то создатель «исторического фэнтези», для которого достоверность вторична.

С переживанием насилия связан и страх Другого. Чаще всего он рождается в ситуации межэтнического и межгендерного общения, и жертвами обычно выступают инородцы и женщины. Особенно ярко и негативно выглядят в этом аспекте русские – глазами остяков, которые смотрят на них «с суеверной опаской и отчаяньем» (Иванов 2017: 21). От русских нужно прятаться, «словно от грозы» (Иванов 2017: 22), они «были не народом, а половодьем» (Иванов 2017: 23), они – «буревал: нельзя удержать падающее в урагане дерево, можно только увернуться» (Иванов 2017: 155). Они непостижимы и неостановимы: «Русские всегда приходят без приглашения» (Иванов 2017: 256); они – иррациональная непобедимая сила: «Земля очень, очень большая [...] Но повсюду, повсюду – русские...» (Иванов 2018: 323). В приведенных цитатах можно увидеть сходство в переживании страха: русские боятся тайги, болот, государства, потому что это для них – стихия; остяки боятся русских, потому что русские для них – стихия. Близки к страху остяков и джунгары: «эти русские – дети докшитов, свирепых и коварных степных богов» (Иванов 2018: 117). Однако нечто похожее испытывают и русские по отношению к джунгарам: «где появляются джунгары, оттуда надо бежать» (Иванов 2018: 137).

Есть и другая точка зрения на стихийность русских. Для Табберта они – галлы, гунны: «Нельзя распространять на них кодекс чести» (Иванов 2018: 125). Убеждены в «дикости» русских (как и всех других народов) китайцы: «И Россия тоже страна варварская» (Иванов 2017: 114). В варварстве стихийность объяснима – отсутствием длительной истории, культуры – и потому она уже не страшна. Русские, в свою очередь, боятся непонятной для них мистической силы инородцев (описания колдовских обрядов, шаманских камланий; эпизод со сжиганием Медного Гуся и т.д.). Иными словами, все друг для друга варвары, все вызывают друг в друге страх. Возможны исключения, когда взгляд на Другого изменяется благодаря любви: так, Новицкий видит в хрупкой Айкони силу, которая победит там, «где бесславно погибнут целые армии с царями, пушками и хоругвями» (Иванов 2017: 99). Но такие переживания единичны; в сущности, никто здесь до конца не «свой».

Природа, империя, другие люди – столкновение с ними чревато смертью. Поэтому сложно выделить смерть как самостоятельную причину страха. Однако есть ситуации, в которых именно «чистый» страх насильственной смерти и физического страдания выходит на первый план. В романе много эпизодов пыток, казней, убийств, уличных драк, больших батальных сцен. Отдельного упоминания в этом смысле заслуживает эпизод обороны ретраншемента в

степи (холод, цинга, смерзшиеся трупы, которыми, как бревнами, закрывается вход в крепость). Однако «убийца – всегда немного тот, кого он убил» (Иванов 2018: 179): все «чужие», и если любовь не способна это разделение преодолеть (почти все любовные истории в романе заканчиваются печально), то смерть, как и страх, оказывается всеобщим объединителем. Смерть преодолевает даже время: гибель Новицкого повторяет гибель Ермака. В конце концов, смерть неизбежно приводит к жизни – этому учит тайга – а смерть и страх всегда рядом.

Какую роль в этом мире играет бог? Чаще всего в романе бог – или его отсутствие – становятся причиной ужаса. Русским в *Тоболе* знаком страх богооставленности в необъятном пространстве. Их неимоверное напряжение в освоении этой земли – «русская гекатомба» (Иванов 2018: 86), крик о помощи в надежде, что небеса не пусты. Но то же ощущение предательства человека богом переживают и Пантила, и Айкони. Более того, в романе представлены разные боги, но никто из них не является абсолютom. В Тобольской церкви деревянная статуя Христа «оживает» и ходит по городу, «оживает» плачущая икона Богородицы перед смертью Иоанна – так же точно, как «оживают» деревянные истуканы и идолы остяков (истукан, сделанный Айкони для «приворота» Табберта, идол Ике, помогший Айкони победить медведя-людоеда, плачущие идолы на Ен-Пуголе). И посмертное существование одинаково доступно всем. В романе много эпизодов, в которых появляются «живые» мертвые: Филофею явился умерший Иоанн, Пантила видит в тайге покойную прабабку Анну, Айкони говорит с мёртвой сестрой, мёртвый Авдоний приходит к Епифании и т.д. Боги и люди, живые и мертвые, действуют вместе, восстанавливают справедливость и доводят до конца начатое. Разницы между людьми и их богами нет: их уравнивают боль, страх и смерть. Так, в прологе Петр I мучится от боли: «Болело. Болело. Болело.» (Иванов 2017: 8). Но так же мучится девушка-остячка, которую избивают и насилуют: «Боль! Боль! Боль!» (Иванов 2018: 232). В романе нет антагонистов и протагонистов, нет и подсказок от автора: кто прав и кто виноват.

Сибирь традиционно описывается либо как пространство ада, либо как пространство рая (Смит-Питер 2014). В *Тоболе* она изменчива и текуча, она подобна сложному зданию, возводимому многими зодчими. В этом смысле символична история с Тобольским кремлем; понятна и увлеченность автора фигурой Ремезова, для которого Тобольск – новый Иерусалим, центр мира (Смит-Питер 2014). А страх – лишь часть «раствора», собирающего мозаику воедино, скрепляющего кирпичи, это «хрящ», обеспечивающий подвижность «хребта»: Сибирь не понять, «если не разобрался, как всё устроено. А устроено – сложно» (Иванов 2018: 290).

Библиография

- Гаврилов, А. (2016): «От «Сердца пармы» к «Тоболу». *Горький Медиа*, <https://gorky.media/context/ot-serdtsa-parmy-k-tobolu/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Гончаров, П.А. (2019): «Много званых: мотив соблазна в романе А. Иванова «Тобол» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, том 12, выпуск 2. – Тамбов. С. 315–318.
- Ершов, М.Ф. (2017): «Не слишком ли мутна вода в «Тоболе»? К выводу в свет нового романа Алексея Иванова» // *Вестник угроведения*, №2 (29). – Ханты-Мансийск. С. 158–161.
- Иванов, А. (2017): *Тобол. Много званых: роман-пеплум*. – Москва, <https://www.litres.ru/aleksey-ivanov/tobol-mnogo-zvanyh/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Иванов, А. (2018): *Тобол. Мало избранных: роман-пеплум*. – Москва, <https://www.litres.ru/aleksey-ivanov/tobol-malo-izbrannyh-29407846/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Казначеев, С. (2017): «Но мало избранных» // *Литературная газета*, №4, <http://lgz.ru/article/-4-6584-1-02-2017/no-malo-izbrannykh/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Лазареску, О.Г. (2017): «Сибирь, Ермак и другие: к вопросу об исторических трансформациях литературных жанров, образов и мотивов» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, №5. – Москва. С. 122–130, <https://dx.doi.org/10.18384/2310-7278-2017-5-122-130>.
- Нестеров, В. (2017): «Пеплум великих побед. О новом романе Алексея Иванова». *Горький Медиа*, <https://gorky.media/reviews/peplum-velikih-pobed/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Пригожин, И. (2015): «Между «Ненастьем» и «Тоболом». Алексей Иванов презентовал новую книгу» // *Аргументы и факты*. – Пермь, https://perm.aif.ru/culture/person/mezhdu_nenastem_i_tobolom_aleksey_ivanov_prezentoval_novuyu_knigu (дата обращения: 01.08.2021).
- Пульсон, К. (2018): «Полцарства за Тобол. Алексей Иванов написал русский роман по технологии «Игры Престолов»» // *Российская газета*, № 61(7524), <https://rg.ru/2018/02/22/aleksej-ivanov-u-sovremennosti-snaruzhi-socializaciia-vnutri-fejk.html> (дата обращения: 01.08.2021).
- Сироткина, Т. А. (2018): «Этнические образы народов Сибири в романе Алексея Иванова «Тобол»» // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. том 10, вып. 4. – Пермь. С. 70–78, <https://dx.doi.org/10.17072/2037-6681-2018-4-70-78>.
- Смит-Питер, С. (2014): «С.У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII-начале XVIII в.». Пер. Е.М. Карагеоргий // *Сибирские исторические исследования*, №3. – Томск. С. 7–23.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.